МАМА

Ни рекой не стану, ни песней,
С золотыми перьями птицей…
Стать бы словом — таким, что в детстве
Первым в теплых губах родится!

Стать бы словом — таким, как «полдень» —
Чтобы полно и чтобы сладко.
Чтобы все, что до слова помнить —
Как предвестье, как путь, как плату…

Чтобы солнце ладонью черпать —
Мед тягучий, живую воду.
Стать бы словом — таким, что чертит
Огневую крестом к восходу!

Стать бы словом — таким, как «пахарь»,
Что баюкает зерна к жатве.
Ни пропеть его, ни проплакать,
Слово — колос, к груди прижатый!

Слово — белого льна поляна.
Слово — ало, и слово — жжется…
Дай мне, Господи, слово «мама»!
Троекратно пусть отзовется.

ЖАТВА

Осыпается август переспевшими зернами звезд —
Разотри их в ладони. Не чуда хочу я — а хлеба.
Сколько сжато колосьев! — к утру будет полная горсть...
Я тебе испеку эту сдобную полночь в полнеба.

Я хочу, чтоб ты знал, что меня заставляет молчать —
Мой несбывшийся дом и звенящую алую жажду.
Ни губам, ни ручьям не дано эту пытку унять —
Только в полночь одну, только хлебом, и только не с каждым.

Посмотри на меня — мои руки чернее земли.
И сама я — земля, разве что не покрыта цветами.
Я их всех узнаю — все живущие — дети мои.
Голоса их зовут — и ни ночью, ни днем не смолкают.

— Прогони мою смерть!
— Успокой мою боль!
— Полюби!
— Спеленай меня!
— Выкорми!
— Плачь обо мне на погосте!..

И не сердце в груди, отбивая минуты, кровит —
Это четки, стучат имена о молельные кости.

Я хочу, чтоб ты знал мой отчаянный страх — не успеть —
Не услышать того, кто надеждой на эхо отравлен.
Так ломай же ломоть — как ломают замок или клеть.
Ты — тот самый не каждый — мне к жатве полуночной явлен.

МНЕ БЫ МИЛОСТИ...

У каких икон Богу кланяться?
На каких ветрах голосить?
Поздно ль каяться, полно ль маяться —
у кого мне судьбы просить?!

И обласкана, и оболгана,
всяко было и всяко есть.
Думы белые, думы черные, думы алые ...
Кто я есть?

Придорожным костром пропахшая,
босиком, да подол в пыли...
А что дорого мне — не спрашивай:
сын и песня — не разделить.

Молоком я кормила первенца,
кровью — слово, да сыты ли?

И воровка я, и изменница,
недодавшая им любви!

Только сила моя кончается,
а их жажды не утолить!
Только третий мне не встречается —
кто бы смог меня напоить…

И стою я, с душой искромсанной,
солнце желтое сжав в горсти!..
Где Ты, Господи? Слышишь, Господи, —
Мне бы милости попросить…

СХИМНИЦА

Лен заправляет в лунные пяльцы черная схимница,
И проступает лик под пальцами — Мать-Богородица.
Золотом, шелком, жемчугом скатным риза разубрана.
Теплится зорька красной лампадкой — скорит заутреню.

Быстро мелькают тонкие пальцы — схимница молится.
Вечный помянник — лунные пяльцы — душами полнится.
А и заплачет, а и поранит руки иголкою…
Келья светлеет, ночь догорает, губы безмолвствуют.

ДУША — КАК ХЛЕБ…

Душа — как хлеб: рождается в печи,
И с каждым часом — черствеет и стынет.
Искрошится, истрется в ком земли —
Пшеном погостным перекрестят имя…

Душа — как хлеб: из печи да на стол —
Родильный, белый, кипенный, крахмальный…
А после — черный, скорбный, поминальный —
Под плач старух и карканье ворон.

Приходит смерть в пурпурных башмачках,
И пляшет, пляшет, хлеб ломая, крошит!
Я шорох платья ощущаю кожей,
Стук клювов, четок, имя на губах.

Душа — как хлеб. Ломай ее и рви!
Пусть будут сыты — птицы, псы, бродяги!
Животвори Причастием Любви —
В миру, в дому, над хлебом, на бумаге.